

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

В ТАЛАНТЕ СПЛЕТАЯСЬ ВОЕДИНО

Как-то на вопрос, что такое талант, известнейший педагог и пианист, профессор Московской государственной консерватории Генрих Нейгауз ответил: «Талант — это теснейший союз трех начал: страсти, интеллекта и техники».

Определение универсальное, но и им трудно руководствоваться, когда надо рассказать о каком-то конкретном исполнителе. Музыкальное искусство наше богато талантами, но, бывая на концертах, я часто ловлю себя на мысли, что сравнения, какими можно было бы описать свои впечатления, приходят на ум разные. Иногда дарование музыканта, манера его исполнения бывают яркими, эффектными, бросающимися в глаза. А бывают таланты внешне неприметные, как полноводная река, спокойная, величавая, и лишь погрузившись в ее воды, ощущаешь, какая мягкая, но неодолимая сила в ее мерном течении. И вот это ощущение мягкой, но неодолимой силы музыкального убеждения, глубины и значительности трактовки исполняемых сочинений всякий раз охватывало меня на каждом концерте, на каждом спектакле солистки Государственного академического театра оперы и балета им. А. Спендиарова, заслуженной артистки республики Ольги Габаан.

Мне давно уже хотелось рассказать об этой певице, красивой и убедительной на сцене, обаятельной и доброй в общении, но очень скромной и неразговорчивой во всем, что касается ее лично, ее творчества, планов и надежд.

И начался наш разговор именно с приведенного уже определения Г. Нейгауза.

— Ольга, а как вы относитесь к такому распределению грех начал творческой личности? Заметьте, Генрих Густавович на первое место поставил страсть, на последнее — технику. Согласны ли вы с этим?

— Конечно. Что такое техника? Это результат труда, огромного, ежедневного, подчас непосильного. Накапливается и отрабатывается она годами. Но труд этот не возможен для человека без страсти. А страсть — это и пыл, горение, зазор и вдохновение, воодушевление, порыв. Страсть — это увлеченность и погруженность в какое-то дело, полная ему отдача и неустанный труд, который и оттачивает технику.

— Но в этом определении еще назван интеллект?

— А это, на мой взгляд, совершенно бесспорная истина. Невозможно донести до аудитории музыку, если сам тысячу раз ее не прочувствуешь, если не уяснишь для себя, о чем она, в какое время написана, какими событиями вдохновлена. Простой пример — партия Кармен. Ко-

нечно, нельзя приступать к ней, не зная произведения Проспера Мериме, но лучше узнать и об испанских цыганах, их характере, психологии, желая не перелистать альбомы с репродукциями Гойи, не перечитать цыганский цикл Гарсиа Лорки...

— А теперь, как это ни тривиально в интервью, хотелось бы вернуться к истокам, к началу, каким оно было, ваше музыкальное начало?

— Однозначно ответить трудно, смотря по тому, что считать началом. Мысль о том, чтобы стать профессиональным музыкантом, певицей, пришла ко мне довольно поздно. Понимаете, моя музыкальная биография не укладывается в рамки канонических историй многих исполнителей: рано обнаруженное дарование, многочасовые занятия музыкой, поиски себя с пятилетнего возраста. Все было много проще: училась, пела вместе со всеми, были у меня любимые песни, слушала радио. Но вот однажды, когда мне было лет десять, я впервые услышала оперу, Пуччини «Чио-Чио-Сан». Это было каким-то невероятным открытием. Наверное, это детское впечатление и предопределило дальнейшее. Я стала все серьезнее увлекаться оперной музыкой, бывать в театре, следить за программами радио, что-то петь сама наизусть. Кстати, наряду со многими оперными ариями очень любила исполнять, для себя, конечно, песню «Не брани меня, родная». Так произошло, что судьба свела меня с Армик Артемьевой Каратян, моим будущим педагогом. Она услышала, как я пою, и предложила готовиться к поступлению в консерваторию. Я не очень-то была уверена в своих силах, но занималась усердно. И вот в 1959 году поступила на вокальное отделение подготовительного факультета, а через год меня приняли и на основное. А дальше лекции, музыкальные дисциплины, любимые занятия по специальности, оперный класс, зачеты, экзаменационные сессии, все, как у всех, выбравших делом своим музыку.

— Ну, может быть, не совсем, как у всех? Не всем присуждают Ленинскую стипендию. Не всех приглашают с третьего курса участвовать в спектакле академического оперного театра, как пригласили вас на роль Ольги в «Евгении Онегине». Далеко не все становятся лауреатом конкурса, а я читала недавно, что студенткой консерватории вы принимали в 1965 году участие в Закавказском конкурсе молодых исполнителей. И, в конечном счете, не всех выпускников вокального факультета сразу приглашают в оперный театр солисткой. Что было самым запоминающимся для вас в пер-

вые годы на профессиональной сцене?

— Вероятно, все. Поймите меня правильно, но еще в консерватории Армик Артемьевна приучила нас к тому, что в музыке не бывает будней, не бывает неприятной работы. Самые учебные из учебных вокализов — постановка дыхания, отработка звука — были для нас интересными. Вся жизнь была каким-то музыкальным потоком, в котором необходимые житейские дела проходили «между прочим», а чуть выдавалась свободная минута, мы собирались у нашего педагога дома, и там все было подчинено музыке. И этот настрой перешел со мной в театральную работу. А ведь в театре каждый спектакль, каждая роль — экзамен, и куда ответственнее прежних, студенческих. В 1966 году я поступила в оперную труппу нашего театра и очень скоро начала работу над партией Любаши в опере Римского-Корсакова «Царская невеста». Я очень люблю этот образ: красивейшие арии, незаурядный характер, трагичная судьба. Есть над чем подумать. Мне доводилось слушать Любашу — Мясникову, солистку Новосибирского театра. Я люблю эту певицу, но свою Любашу сразу решила делать по-иному, не такой суровой, прямолинейной в своем гневе и мести, а мягче, женственней, страдающей. Любовь, одна любовь руководит ее поступками. Любовь приводит ее и к измене, и к отравлению соперницы, ради любви идет она на позор и люютую казнь, чтобы спасти от наказания Григория Грязного, человека, который и обесчестил ее, и разлюбил ее, и убивает ее. Да, все это в одном имени — Люба-ша...

— За время вашей работы в театре вы спели немало женских партий в операх армянских композиторов. Интересно, что было для вас основополагающим в лейке каждого отдельного образа? Или было что-то общее в их воплощении?

— Общее только одно: все они — женщины с незаурядными судьбами и страстями. На этом сходство заканчивается. Каждая из моих героинь должна быть личностью, и для каждой я стараюсь найти свои, лишь ей свойственные черты и поступки.

Вот, к примеру, Анна в опере Арутюняна «Саят-Нова». Я стараюсь в роли Анны быть красивой, во всем красивой, — в пении, гриме, costume, походке, в каждом жесте. Понимаете, только очень высокая красота, и

духовная, и телесная, объясняет ту удивительную любовь и верность, которую пронес к ней через всю жизнь, через все лишения, гонения и разлуку Саят-Нова.

А все поступки Тамар в «Давид-беке» Тиграняна подчинены одной страсти, и не просто к герою, а к делу, которому она себя посвящает.

И теперь Алмаст в одноименной опере Спендиарова. Для меня это и очень сложный, и очень любимый образ. Главное — не рисовать его прямолинейным: изменницей, властолюбивой ради предавшей и муча, и народ, и свою женскую честь. Это лишь контур поступков. Я всегда стараюсь в этой партии вызвать сочувствие к своей героине. Не оправдать, нет, но если я внутренне не пойму, какие страсти движут ею, если не постараюсь сама понять их, вместо многопланового драматургически полифоничного образа получится сухая схема. А я мечтаю о живом, полнокровном образе.

— Есть ли среди партий, которые вы исполняете или мечтаете исполнить, самая любимая, самая заветная, что-ли?

— Однозначно опять-таки не ответить. Каждая работа, как свое дитя, — споешь, вживешься в образ, и он неразрывен с тобой. Последние годы я много времени уделяю меццо-сопрановым партиям западноевропейской классики. И среди них, конечно, партия Кармен. Сколько бы я над ним не думала, какие бы повороты характера не находила, всегда остается ощущение, что главное прозрение впереди. Эта роль на долгие годы работы.

— И на прощанье я попрошу вас рассказать немного о своей концертной деятельности.

— Чтобы быть краткой, скажу только, что я очень люблю петь в концертах. В них нет театрального антуража — костюмов, грима, декораций, а потому как-то обостренное чувствуешь ответственность за музыку. Мне посчастливилось петь в концертах и с такими коллективами, как Государственная хоровая капелла Армении, как Государственный камерный ансамбль. Считаю, что мне посчастливилось и с моим концертмейстером, заслуженной артисткой республики Марианной Арутюнян, с которой мы давно и дружно работаем.

— Ваши ближайшие планы?

— Петь, петь и еще раз петь...

Беседу вела
Т. ТИСКОВА.